

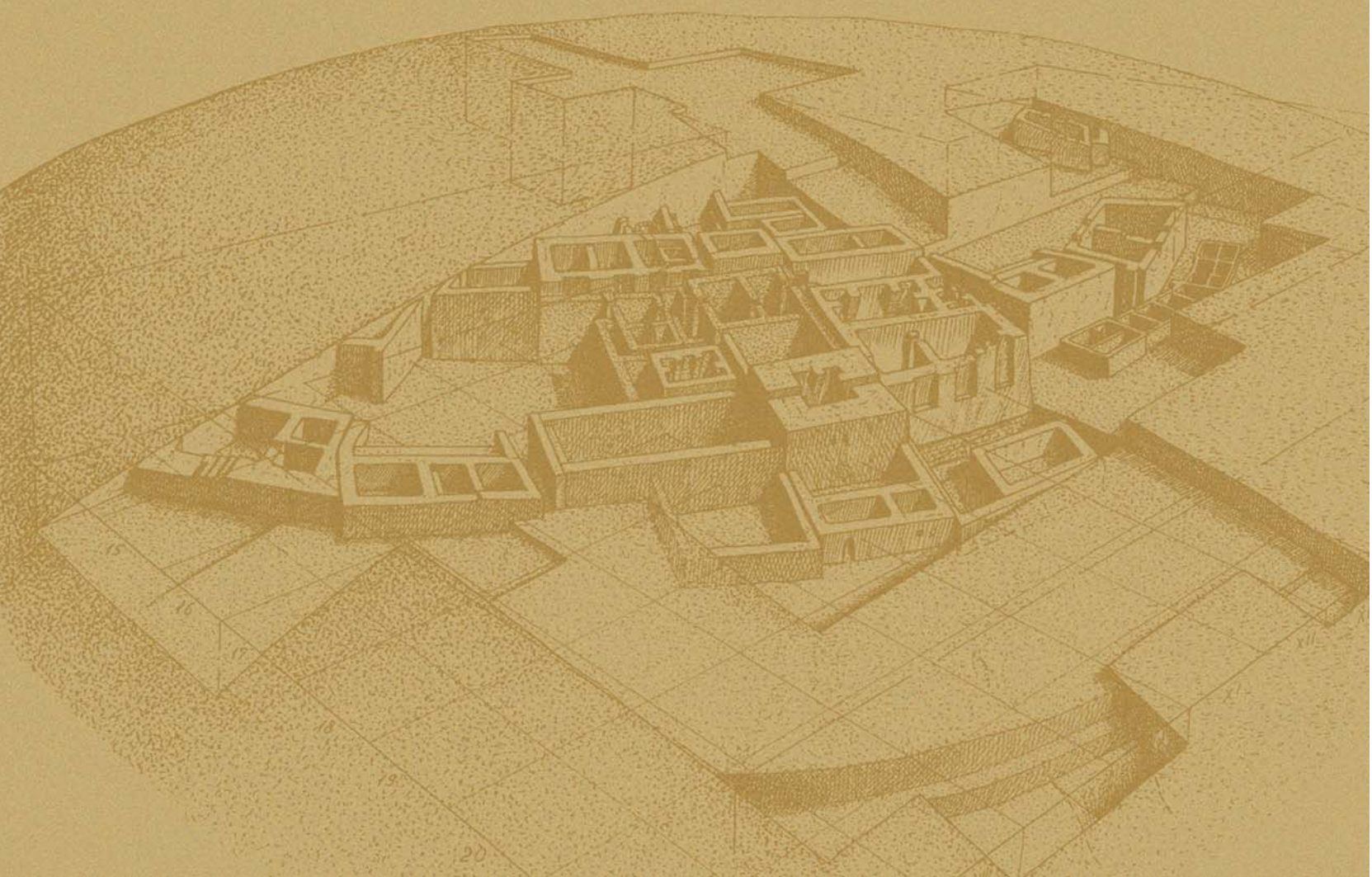
Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт, Ш. Н. Амиров

ТЕЛЛЬ ХАЗНА I

Культово-административный центр

IV—III тыс. до н. э.

в Северо-восточной Сирии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт, Ш. Н. Амиров

ТЕЛЛЬ ХАЗНА I

**Культово-административный центр
IV–III тыс. до н. э. в Северо-восточной Сирии**

Телль Хазна I. 1997. Аэрофотосъемка Яна Дриссена.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

R. M. Munchaev, N. Ya. Merpert, Sh. N. Amirov

TELL HAZNA I

Religious and Administrative Center
of IV–III millenuim BC in North-East Syria

PALEOGRAPH
MOSCOW
2004

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт, Ш. Н. Амиров

ТЕЛЛЬ ХАЗНА I

Культово-административный центр
IV–III тыс. до н. э. в Северо-восточной Сирии

ПАЛЕОГРАФ
МОСКВА
2004

УДК 63.4(3)
ББК 902/904

Мунчаев Рауф Магомедович, Мерперт Николай Яковлевич, Амиров Шахмардан Назимович
ТЕЛЛЬ-ХАЗНА I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-восточной Сирии.
Москва. Палеограф, 2004. 488 стр.

Английский перевод: Philip L. Kohl
Фотографии авторов

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА (РГНФ)
ПРОЕКТ 03-01-00-309

ISBN 5-89526-012-8

© Р. М. Мунчаев, 2004
© Н. Я. Мерперт, 2004
© Ш. Н. Амиров, 2004
© Ю. Б. Цетлин, 2004
© Е. Ю. Лебедева, 2004
© Е. А. Спиридонова, 2004
© Е. Е. Антипина, 2004
© Издательство Палеограф, 2004

ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 46.
Заказ № 699. Формат 60 × 90 1/8. 65 п. л. Тираж 600 экз.

Содержание

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ	12

ЧАСТЬ I

ТЕЛЛЬ ХАЗНА I. ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ПАМЯТНИКА. КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ, СТРАТИГРАФИЯ, ПЛАНИГРАФИЯ И АРХИТЕКТУРА

Расположение и общие данные телья	21
Общая стратиграфическая схема Телль Хазны I	23
Некоторые вопросы районирования вскрытой площади	27
Основные сооружения и их комплексы	31
Центральный участок южного склона	31
<i>Башня № 37</i>	32
<i>Стена № 69 и постройки, огражденные ею</i>	41
<i>Помещения №№ 69^a–в</i>	44
<i>Постройка № 67 и примыкающие к ней</i>	45
<i>«Верхний храм»</i>	52
<i>Сооружения на третьей террасе</i>	59
Юго-восточный участок южного склона	63
<i>Башня № 110</i>	63
<i>Постройка № 149</i>	66
<i>Последующие строительные уровни юго-восточного участка</i>	70
Юго-западный участок	75
Заключение	77
Библиография	86
Таблицы № 1–56	89

ЧАСТЬ II

КЕРАМИКА ТЕЛЛЬ ХАЗНЫ I

Глава 1. Классификация форм массовой керамики из Телль Хазны I	149
1. Введение	149
2. Система описания морфологии и принципы классификации	150
3. Классификационная гипотеза	151
4. Список признаков	153
5. Работа с базой данных (количественный анализ и редактирование)	174
6. Классификация (выделение Устойчивых Разновидностей Формы верхнего таксономического уровня)	179

7. Классификация (выделение Устойчивых Разновидностей Формы нижнего таксономического уровня)	181
8. Степень близости между собой выделенных Устойчивых Разновидностей Формы	192
Глава 2. Периодизация отложений культурного слоя поселений Телль Хазна I	193
1. Введение	193
2. Анализ распределения Устойчивых Разновидностей Формы массовой керамики в слое Телль Хазны I	194
3. Анализ распределения в слое Телль Хазны I специализированных групп керамики	200
4. Характеристика ярусов культурного слоя через распределение морфологических групп сосудов и общие наблюдения над распределением керамики в слое Телль Хазны I	203
Глава 3. Телль Хазна I в системе синхронных памятников Северной Месопотамии	207
1. Введение	207
2. Материалы, синхронные слоям VI яруса Телль Хазны I (ранний – средний урукский период)	208
3. Материалы, синхронные слоям V яруса Телль Хазны I (средний – поздний урукский период)	213
4. Материалы, синхронные слоям IV яруса Телль Хазны I (начало периода Джемдет Наср)	216
5. Материалы, синхронные слоям III яруса Телль Хазны I (конец периода Джемдет Наср)	219
6. Материалы, синхронные слоям II яруса Телль Хазны I (начало РД I)	221
7. Материалы, синхронные слоям I яруса Телль Хазны I (заключительный этап РД I)	223
8. Заключение	225
<i>Приложение 1. Словарь терминов</i>	<i>227</i>
<i>Приложение 2. Аналитические таблицы</i>	<i>231</i>
Библиография	254
Каталог керамики	257

ЧАСТЬ III

ТЕЛЛЬ ХАЗНА I: ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Погребения № 1–31	337
Библиография	356
ТАБЛИЦЫ № 1–22	357

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Р. М. Мунчаев. К истории российских археологических исследований в Месопотамии</i>	<i>383</i>
<i>Список трудов месопотамской экспедиции</i>	<i>397</i>
<i>Ю. Б. Цетлин. Гончарный горн на памятнике Телль Хазна I в Сирии</i>	<i>404</i>
<i>Е. Ю. Лебедева. Палеозтботанические материалы из Телль Хазны I: новые данные по истории земледелия в Северной Сирии</i>	<i>425</i>
<i>Е. А. Спиридонова. Результаты палинологических исследований Телль Хазны I</i>	<i>441</i>
<i>Е. Е. Антипина. Археозоологические материалы из Телль Хазны I</i>	<i>463</i>
SUMMARIES	475

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая публикация представляет собой первый выпуск трудов Сирийской экспедиции Института археологии РАН¹. Ее работы были начаты в 1988 г. До этого — с 1969 по 1985 гг. — исследования советской археологической экспедиции в Месопотамии были сосредоточены в Северо-Западном Ираке, близ г. Телафар, в Синджарской долине, рядом с границей Ирака с Сирией и Турцией. Это была первая российская археологическая экспедиция в Месопотамии. Как видим, мы — российские ученые — очень поздно, с отставанием от западной науки более чем на 100 лет, приступили к полевым работам в Двуречье. Но, несмотря на это, за 14 полевых сезонов экспедиция Института археологии РАН провела в Ираке широкие и чрезвычайно результативные исследования целой группы раннеземледельческих поселений VII—IV тыс. до н. э., отражающих основные этапы культурно-исторического развития Северной Месопотамии от становления земледелия и скотоводства до возникновения цивилизации². Они представляют несомненный вклад нашей науки в изучение древней Месопотамии, широко признаны и по достоинству оценены научной общественностью. В 1999 г. за проведенные в Ираке советской экспедицией исследования и достигнутые результаты сотрудникам экспедиции Н. О. Бадеру, Н. Я. Мерперту и Р. М. Мунчаеву была присуждена Государственная премия Российской Федерации в области науки.

Начавшаяся осенью 1980 г. иракско-иранская война прервала работы многих археологических экспедиций, в том числе и экспедиции Института археологии РАН. Во время этой войны нам удалось совершить лишь две поездки в Ирак. Первая из них — месячная — была проведена весной 1984 г. и свелась по существу к ликвидации нашей экспедиционной базы на Ярым Тепе близ г. Телафар и проведению зачисток на Телль Магзалии. В следующем же, 1985 г. наша экспедиция по просьбе Департамента древностей Ирака участвовала примерно в 60 км к северу от г. Телафар в осуществлении проекта Эски Мосул по спасению археологических памятников на правом берегу Тигра.

Война настолько обострила общую ситуацию в стране, что стала очевидной дальнейшая бесперспективность продолжения археологических исследований в Ираке. Но еще до начала иракско-иранской войны мы пришли к выводу о желательности для более углубленного и широкого изучения археологии Северной Месопотамии расширить территориально наши работы на запад, т. е. на смежные с Ираком районы Северо-Восточной Сирии. И в 80-х годах это нам удалось сделать.

Весной 1987 г. Н. О. Бадер, О. Г. Большаков и Р. М. Мунчаев были командированы Институтом археологии АН СССР в Сирию для официального согласования вопроса и заключения соответствующего соглашения с сирийской стороной об организации в Сирии работ советской археологической экспедиции. Тогда же нами была совершена поездка на северо-восток Сирии, в провинцию Хасаке, пограничную с Турцией и Ираком, для выбора объекта исследований нашей будущей экспедиции. Мы избрали для раскопок большой телль высотой 17 м, расположенный в 25 км к северо-востоку-востоку от г. Хасаке — центра одноименной провинции, слева от дороги Хасаке — Телль Брак, в 14 км не доезжая последнего, на левом берегу Вади Ханзир, впадающего в Джаг-джаг — левый приток Хабура, у деревень Алави и Хазна. Поэтому в полевую документацию и отчеты первых двух лет раскопок этот памятник вошел как Телль Хазна-Алави, а затем уже стал именоваться просто Телль Хазна I. Дело в

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, гранты №№ 99-01-00043а, 02-01-18008е.

² В Приложении публикуется специальный очерк, посвященный истории наших полевых исследований в Месопотамии.

том, что в 1 км к югу от него находится другой многослойный тель с тем же названием. В 1991 г. мы его обследовали, а в 1992–1993 и 2001 гг. провели на нем небольшие разведочные раскопки. Он значится как Тель Хазна II и в полевой документации, и в наших публикациях.

Следует подчеркнуть, что подлинный характер Тель Хазны I как археологического памятника удалось определить не сразу. Первоначально нам представлялось, что это обычное поселение Раннединастического I–III периода. Лишь проведя два сезона раскопок и вскрыв значительную площадь южной половины телья, мы поняли, что перед нами уникальный для Северной Месопотамии памятник, представляющий собой остатки культово-административного центра с великолепно сохранившимися храмовыми и иными сооружениями. Он возник, видимо, в конце урукской эпохи и просуществовал до Раннединастического II периода, т. е. от конца IV до середины III тыс. до н. э. Ему предшествовали на данном месте поселения убейдской и урукской культур. Общая мощность культурного слоя Тель Хазны I составляет 16 м, из них примерно 4 м составляют отложения отмеченных культур, а остальные 12 м принадлежат Раннединастическому периоду.

В настоящем труде исследуются материалы Тель Хазны I, касающиеся прежде всего его архитектуры и основной части керамического комплекса и позволяющие таким образом дать культурную и хронологическую интерпретацию памятника, определить его место в ряду других памятников Месопотамии конца IV–III тыс. до н. э. В этот же выпуск трудов нашей экспедиции мы включили специальный раздел, посвященный публикации погребальных комплексов, открытых в Тель Хазне I до 2000 г. включительно, а также ряд приложений.

В следующем же выпуске мы предполагаем издать конкретные категории материалов, которые были обнаружены в процессе раскопок Тель Хазны I. Это — большая серия земледельческих орудий — зернотерок, пестов, терочников и особенно коллекция жатвенных орудий — кремневых и редко обсидиановых вкладышей серпа. Мы располагаем также значительной коллекцией глиняной пластики в виде антропоморфных и зооморфных фигурок, а также серией печатей, в том числе цилиндрических, и других находок. Особый интерес представляют и палеофаунистические остатки — кости различных животных.

В заключение нам хотелось бы выразить искреннюю благодарность всем принимавшим участие в раскопках Тель Хазны I и прежде всего Н. О. Бадеру, О. Г. Большакову и Н. К. Ревенкову. Н. О. Бадер и О. Г. Большаков — это ветераны нашей экспедиции в Месопотамии. В 1969–1985 гг. они являлись постоянными участниками Иракской экспедиции ИА АН СССР и внесли громадный вклад в достижения экспедиции. Как отмечено выше, весной 1987 г. Н. О. Бадер и О. Г. Большаков принимали участие в выборе объектов наших стационарных исследований в Сирии и переговорах с сирийской стороной об организации российской археологической экспедиции. В течение 1988–1991 гг., т. е. нескольких полевых сезонов, они руководили отдельными важными участками раскопок на Тель Хазне I. После 1991 г., к нашему глубокому сожалению, им больше не пришлось работать с нами в Сирии.

Н. К. Ревенков участвовал в семи полевых сезонах Сирийской экспедиции (1988–1994 гг.) и был всегда одним из наиболее активных ее членов. Его официальная должность — лаборант-механик, а в повседневной работе — и шофер, и повар, и электрик, и просто рабочий.

В 1991, 1994–2000 гг., т. е. большую часть сезонов раскопок Тель Хазны I, участником экспедиции был Ю. Б. Цетлин. Он руководил одним из раскопов на Тель Хазне I, проводил технологическое исследование обнаруживаемой керамики и являлся ответственным за все фотоработы. В настоящем выпуске трудов экспедиции публикуется в виде приложения его работа, посвященная изучению открытой на Тель Хазне I гончарной печи.

В 1995–2000 гг. по несколько сезонов работали в экспедиции старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН Р. Г. Магомедов и студент истфака МГУ, затем аспирант Института археологии РАН С. Ю. Лев, а также аспирантка Воронежского Государственного педагогического университета Т. Н. Корниенко.

Возможно, следует особо выделить двух участников экспедиции — граждан Сирийской Арабской Республики, обучавшихся в аспирантуре Института археологии РАН. Первый из них — Баки аль-Малля — участвовал в экспедиции в 1990–1991 гг., защитил диссертацию по культуре Миттани, работал в Москве в Центре курдских исследований и безвременно ушел из жизни в 1998 г. Выпускник исторического факультета Кубанского Государственного университета Сулейман Элиас работает в экспедиции без перерыва с 1998 г. Он руководит раскопом на Тель Хазне II и принимает участие в обработке материалов. Как член экспедиции, владеющий арабским языком, он в последние четыре года выступает и в качестве официального переводчика экспедиции.

В сезоне 2001 г. впервые в работах экспедиции приняли участие сотрудники лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН Е. Е. Антипина и Е. Ю. Лебедева. Первая обработала всю палеофаунистическую коллекцию, собранную на Тель Хазне II, а Е. Ю. Лебедева, изучившая в лаборатории добытые до этого на памятнике палеоботанические находки, собрала новые, дополнительные данные.

Мы желаем выразить благодарность и тем сотрудникам Института археологии РАН, которые помогли нам подготовить настоящую публикацию. Это — Е. А. Спиридонова, выполнившая палинологические анализы образ-

Участники Сирийской экспедиции ИА РАН, 1994 г. (слева направо).
Ш. Н. Амиров, С. Ю. Лев, М. Саффаи, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, Ю. Б. Цетлин, Н. К. Ревенков.

цов из Телль Хазны I и подготовившая на основе их соответствующее исследование (см. Приложение), П. Ю. Черносвитов, составивший серию архитектурных проекций исследуемого нами памятника, художники С. А. Суджаева и Е. Ф. Маракулина и чертежница А. Б. Голикова.

Р. М. Мунчаев и Н. Я. Мерперт участвовали во всех сезонах работ экспедиции в Сирии (1988–2001 гг.), так же как и в Ираке (1969–1980, 1984, 1985 гг.). Причем Р. М. Мунчаев являлся организатором и бессменным руководителем как Иракской, так и Сирийской экспедиции, а Н. Я. Мерперт — был и остается его заместителем. Что же касается Ш. Н. Амирова, то он начал работать в нашей экспедиции на Телль Хазне с 1989 г., но по разным причинам не принимал участие в ней еще в 1992, 1998 и 2001 гг. На Ш. Н. Амирова была возложена ответственная работа по руководству одним из раскопов на Телль Хазне I, обработке и изучению керамического комплекса памятника и проведению разведок по Вади Ханзир.

Мы испытываем чувство глубокой благодарности к представителям Генеральной дирекции древностей и музеев Сирии при нашей экспедиции. В первый год работ экспедиции им был доктор Джебраил Нуман, окончивший Ленинградский университет и аспирантуру ЛОИА АН СССР. В последующие годы инспекторами «русской экспедиции» являлись Антуан Сулейман, Марьяна Саффаи, Хуссейн Юсеф и Абдельмасих Багду. Особо следует выделить среди них доктора Антуана Сулеймана, выпускника кафедры археологии МГУ и аспирантуры ИА АН СССР. Он был представителем сирийской стороны при нашей экспедиции в 1989–1993 гг. и являлся всегда одним из ее самых деятельных участников. Его помощь экспедиции трудно переоценить. Один из ведущих археологов Сирии, Антуан Сулейман в последние годы является соруководителем объединенной сирийско-европейской экспедиции в Телль Бейдаре и продолжает бывать на Телль Хазне и активно поддерживать связи с нами.

Мы искренне благодарны и многим сотрудникам нашего Посольства в Сирии, оказавшим экспедиции немало различной помощи, — Ф. Н. Федотову, А. С. Дзасохову, А. И. Зотову, В. Ю. Гогитидзе и Р. В. Маркарян. Мы всегда будем помнить, как помогали и были постоянно внимательны к нам Б. Р. Алиев, Ю. В. Королев, А. И. Калачев, А. Н. Рудаков и А. Кожин.

Введение

Провинция Хасаке, составляющая важнейшую область Северной Месопотамии, исключительно богата историко-археологическими памятниками. Менее десяти лет тому назад была опубликована подготовленная Генеральной дирекцией древностей и музеев Сирии археологическая карта данной провинции. Поражает насыщенность ее различными и разновременными памятниками — от каменного века до средневековья включительно. Еще в 30-х годах XX в. здесь были проведены под руководством М. Маллована широкие работы на таких ныне достаточно известных многослойных памятниках, как Тель Асвад, Чагар Базар и особенно Тель Брак. На северо-западе провинции Хасаке находится поистине знаменитый памятник — Тель Халаф, раскопанный еще в начале XX в. М. Оппенгеймом. Других больших работ вплоть до конца 70-х годов истекшего столетия здесь не проводилось.

Первыми начала широкие раскопки и разведки английская экспедиция под руководством Д. и Дж. Отс. Собственно, эта экспедиция Института археологии Лондонского Университета возобновила прерванные более чем на 40 лет раскопки Тель Брака и провела обследование большой группы памятников, находящихся в центральной части «Хабурского треугольника» (Oates D., 1977. P. 234).

Затем в связи с сооружением Хасекского водохранилища и системы оросительных каналов в бассейне Хабур был исследован сирийской, голландской, польской, немецкой, японской и другими экспедициями ряд интересных памятников, начиная от предхассунского периода (Кашкашок II) и до позднего — ассирийского времени, но преимущественно со слоями III тыс. до н. э.

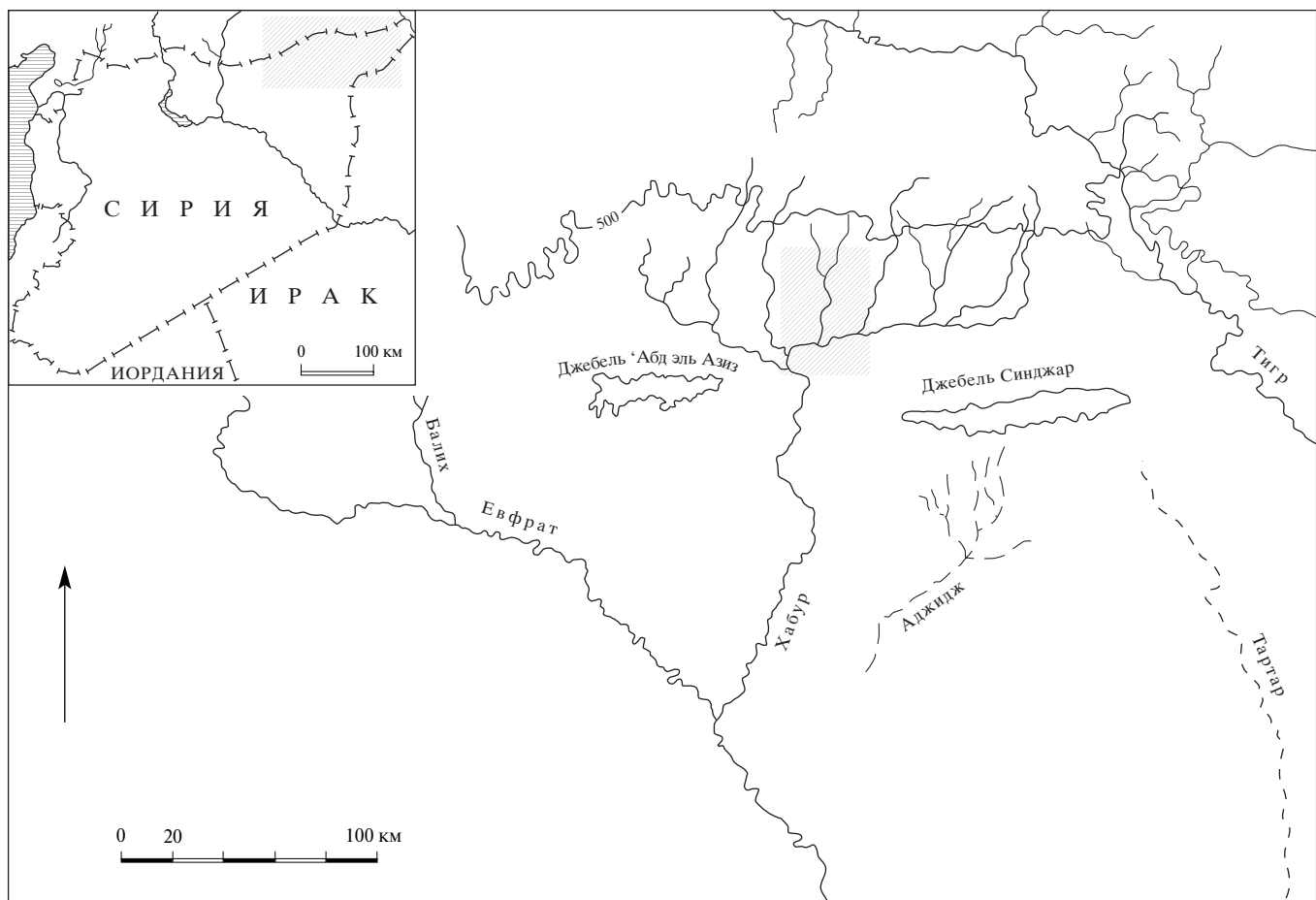
Собственно после замораживания полевых исследований в Ираке в связи с ирако-иранской войной Северо-Восточная Сирия стала областью наибольшей активности различных археологических миссий в Месопотамии. Среди исследовавшихся недавно и продолжающих раскапываться в настоящее время памятников в провинции Хасаке отметим, кроме Тель Брака, Тель Хазны I, Тель Хазны II, Тель Арбид, Тель Барри, Тель Бдейри, Тель Кашкашок I–II и III, Тель Лейлан, Тель Мюзан, Тель Хамидийа, Тель Хамукар, Тель Хафур и другие. Наиболее широко исследуется сейчас совместной сирийско-европейской экспедицией Тель Бейдар в 35–40 км к ССВ от Хасаке. Отметим также, что с 2000 г. сирийско-бельгийская экспедиция возобновила начатые еще в 1934 г. М. Маллованом раскопки Чагар Базара (Mallowan, 1936). Раскопки указанных и других памятников провели и продолжают вести как экспедиции самой Сирии, так и Англии, Бельгии, Германии, Голландии, России, США, Польши, Швейцарии, Франции, Японии. Здесь, в долине Хабур и его притоков осуществлена и серия специальных разведочных работ, в том числе российской экспедицией (подробно об этих работах и их результатах см. Амиров, 2000б. С. 32–39).

Перейдем теперь к краткой физико-географической и палеоклиматической характеристике Северо-Восточной Сирии и, в частности, региона, где расположены исследуемые нашей экспедицией Тель Хазна I и Тель Хазна II.

В бассейне Тигра и Евфрата, точнее, в Верхней Месопотамии особую область, объединяющую в единую экосистему степные регионы Ирака и Сирии, составляет Джезира (см. об этом подробно: Амиров, 2000а. С. 5–17).

Джезира — это северный 400-километровый участок природного региона, имеющего очертания дуги длиной 1500 км. Этот район, начиная с неолита и до эпохи становления цивилизации, играл исключительно важную роль в истории человечества, за что и получил наименование «плодородного полумесяца».

Сток почти всех существующих в регионе рек идет в южном направлении. Единственным препятствием на их пути в средней части Джезиры являются две горные гряды: Джебель Абд эль-Азиз и Джебель Синджар. Они,

Карта 1. «Хабурский треугольник» и район работы экспедиции.

а также отдельно стоящий потухший вулкан Каукаб, определяют направление движения и характер водосбора самого большого из притоков Евфрата — Хабура.

Район Хабура, восточного притока Евфрата, в географическом отношении является западным продолжением Северо-Месопотамской равнины. Система притоков Хабура, часто называемая «Хабурским треугольником», своими очертаниями напоминает перевернутый треугольник со стороной примерно в 200 км.

Река Хабур течет от современной турецкой границы по обширной открытой степной территории, лежащей на полпути между Евфратом — на западе и сердцем Ассирии — на востоке, в долине Тигра (Отс Д., Отс Дж., 1996. С. 148).

«Хабурский треугольник» в рамках Северо-Месопотамской равнины образует самостоятельную экологическую подсистему, обусловленную единой гидрологической сетью, однородностью почвенного покрова и режимом распределения осадков, в районе, являющемся частью обширной области традиционного неполивного земледелия.

Наиболее значительная река в регионе — Хабур, которая течет с северо-запада на юго-восток. В западной части долины в него впадают два основных притока (Джирджиб и Зерган). В районе современного г. Хасеке в Хабур с востока впадает самый крупный его приток (в этой части он называется Джаг-джаг), в который в свою очередь впадают шесть основных притоков восточной части долины, в том числе Вади Ханзир, на берегах которого расположены Тель Хазна I и Тель Хазна II. Все эти притоки берут начало в предгорьях Тавра, т. е. на территории Турции.

Полноводность рек различна. Постоянно действующей, но сильно оскудевшей в последние два года является лишь река Хабур, остальные сезонные.

Исследуемые экспедицией ИА РАН поселения Тель Хазна I и Тель Хазна II расположены в нижней части аллювиального бассейна водостока реки, которая носит название Вади Ханзир или Вади Риджла и является правым притоком Джаг-джага.

Карта 2. Памятники в нижнем течении Вадии Ханзир.

Средняя глубина русла Вадии Ханзир в нижнем течении 2–5 м, а ширина 7–10 м, река имеет древовидный водосбор, все ее притоки расположены в верхней половине течения, в относительно более обводненной части района, примерно в 20 км севернее Телль Хазны I.

За водным режимом Вадии Ханзир сотрудники экспедиции могли наблюдать на протяжении 15 полевых сезонов, в течение четырех весенних (начало марта – май) в 1988–1991 гг. и 11 осенних (сентябрь – октябрь) в 1992–2001 гг. Русло, заполненное водой, можно было видеть лишь трижды: ранней весной 1988, 1996 и 2001 гг.; всю остальную часть года русло остается сухим.

В настоящее время постоянные поверхностные источники воды и родники в районе отсутствуют. Для современных жителей района единственным источником питьевой воды являются грунтовые воды, залегающие в районе Хазны на глубине 40–70 м. Уровень залегания водоносного слоя очень глубокий; для сравнения отметим, что примерно в 130 км восточнее, в Ассирийской степи, ближе к Тигру, в районе поселения Телль аль-Хава, уровень залегания грунтовых вод меньше 10 м, а колодцы имеют глубину 3–12 м (Ball et al., 1989. P. 7). В Ассирийской степи сооружение колодцев отмечено с позднехассунского периода (Wilkinson, 1990. P. 51). Колодцы в последующую, халафскую эпоху зафиксированы на поселении Ярым Тепе II (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 185) и других памятниках (Miller, 1980. P. 333–341).

Судя по глубине залегания грунтовых вод, население южной части «Хабурского треугольника», и в частности района нижнего течения Вадии Ханзир, всегда значительно зависело от проточных вод и было в большей мере привязано к руслам рек, чем жители районов, близких к долине Тигра. Неудивительно поэтому, что почти все телли

(VI—I тыс. до н. э.) в районе «Хабурского треугольника» расположены вдоль русел притоков Хабура. Мы уверены в том, в частности, что основным источником воды для обитателей Телль Хазны I и Телль Хазны II была, по всей вероятности, проточная вода Вади Ханзир.

Почвенный покров на большей части Хабурских равнин, и в частности в районе Телль Хазны, характеризуется как аллювиальные и переотложенные коричневые средиземноморские почвы (Weiss, 1986. Р. 81), представленные суглинками, насыщенными на глубине 30–60 см от поверхности кальциево-карбонатными конкрециями; их отличает довольно высокое содержание калия и, несмотря на среднюю или низкую насыщенность органикой, они обладают высокой потенциальной плодородностью (Eginch, 1980. Р. 78), а в условиях достаточной увлажненности эти почвы являются высокопродуктивными и особенно пригодными для культивации зерновых культур.

Климат, доминирующий в Северной Месопотамии, и в частности в районе «Хабурского треугольника», может быть охарактеризован как экстремально континентальный, средиземноморский.

Наиболее значительная черта этого региона — очень долгий жаркий сезон (начало мая — конец сентября), в течение которого практически не выпадают осадки. Средняя температура в летние месяцы превышает 30°C. В течение этого периода температура воздуха в дневное время достигает иногда 50°C.

Дождевой сезон в Дездеире начинается в октябре и длится до апреля. Наибольшее число осадков выпадает в январе — феврале. Средняя температура в течение холодных месяцев около +5°.

На большей части региона Дездеиры зимние осадки порождаются фронтальной активностью, связанной с депрессией средиземноморского типа. В начале и, особенно, в конце зимы осадки часто являются результатом конвекционных штормов. Эти кратковременные штормы являются обильным источником осадков (Raikes, 1965. Р. 181).

С точки зрения распределения осадков, и соответственно системы вегетации, степи Северной Месопотамии, и в частности района «Хабурского треугольника», могут быть условно подразделены на две зоны. Северная часть наиболее благоприятна для занятий земледелием. Здесь ежегодно выпадает в среднем 350–500 мм годовых осадков. В настоящее время это зона устойчивого неполивного земледелия, где ежегодно гарантировано получение высокого урожая зерновых.

В южной части «Хабурского треугольника» выпадает 250–350 мм годовых осадков. Эта зона является маргинальной и даже в современных условиях развития сельскохозяйственных технологий — это район рискованного неполивного земледелия (Guest, 1966. Р. 71, 72). В среднем в районе Телль Хазны, например, выпадает 280 мм осадков. Наблюдения за числом ежегодно выпадаемых осадков в сирийской части Дездеиры, проведенные в 1961–1991 гг., позволяют считать, что в районе Телль Хазны неурожайным является примерно один год из каждых шести лет. Предполагается, что в конце IV–III тыс. до н. э. в данном регионе Дездеиры ситуация, критическая для урожая, могла быть не чаще 2–3 раз в течение 30 лет, т. е. максимум один неурожай в 10 лет (Амиров, 2000. С. 10).

В настоящее время разработана палеоклиматическая шкала для Передней Азии (Амирханов, 1997. С. 171–176), согласно которой устанавливается в общем единый ритм колебаний увлажненности и аридизации в обширной полосе субтропической и тропической зон Северного полушария в эпоху голоцена. В шкале, предложенной для климатических колебаний в Месопотамии, отмечается возрастание здесь с VIII тыс. до н. э. увлажненности, которая резко увеличивается в VI тыс. до н. э. и сохраняется на этом уровне как минимум до середины IV тыс. до н. э. (Nutzell, 1976. Р. 11–23). После этого начался период аридизации, достигший своей нижней точки в середине III тыс. до н. э. и продолжавшийся примерно до 500 г. до н. э., после чего в регионе установился близкий к современному, несколько более влажный климат.

Естественно, колебания климата наиболее чувствительно отражались на жизни и судьбе памятников, расположенных в аридной зоне, маргинальной для неполивной культивации растений. Как справедливо отмечал Д. Оутс, если смещение линии культивации имело место из-за изменения климата, то это, вероятно, касалось пояса шириной не более 50 км (Oates D., 1977. Р. 233). Район нижнего течения Вади Ханзир, где расположены поселения Телль Хазна I и II, находился в середине этой 50-км полосы, поэтому характер распределения разновременных памятников в исследуемом районе должен наиболее объективно отражать имевшие место климатические сдвиги.

В районе, непосредственно прилегающем к Телль Хазне I, выявлены памятники VI, V, конца IV–II тыс. до н. э. На поселении Телль Хазна II (Мунчаев и др., 1993. С. 25–42), расположенном в 1 км южнее Телль Хазны I, выявлен поселок хассунской культуры VI тыс. до н. э., имеющий почти четырехметровый культурный слой, что указывает на стационарный характер поселения. Этот слой перекрыт здесь слоем халафской культуры (середина V тыс. до н. э.) мощностью менее 1 м, что в отличие от стандартных халафских поселков с многометровым культурным слоем позволило его интерпретировать как выдвинутую в сухую степь стоянку, связанную с сезонными откочевками скота.

Южная граница распространения поселений халафской культуры (как и современная граница гарантированного урожая в условиях неполивного земледелия) находится в зоне, где в настоящее время выпадает не меньше

320–350 мм годовых осадков, примерно в 20 км севернее Телль Хазны, на широте поселения Чагар-Базар, содержащего помимо прочих культурных отложений мощный халафский слой (Mallowan, 1936. P. 2–53). Севернее Чагар-Базара халафские поселения с многометровым культурным слоем многочисленны.

На широте Телль Хазны известны и памятники конца V–IV тыс. до н. э., т. е. убейдской (Кашкашок I, II, III, Телль Куран, Машнака, Телль Хазна II) и урукской (Кашкашок III, Телль Хазна I и II, Телль Безари, Телль Брак и др.) культур (Амиров, 2000. С. 13).

Один из пиков заселенности «Хабурского треугольника», в том числе и его южной части, приходится, несомненно, на первую половину III тыс. до н. э. Многие из находящихся здесь теллей, включая и Телль Хазну II, содержат слои этого времени. В то же время в нижнем течении Вади Ханзир пока не известны памятники, датируемые второй половиной III тыс. до н. э., но более поздние комплексы с так называемой керамикой хабурского стиля и относящиеся к первой половине II тыс. до н. э. зафиксированы здесь по всему течению Вади Ханзир.

Итак, изучение палеоклиматических условий южной части «Хабурского треугольника», где расположены исследуемые нашей экспедицией Телль Хазна I и Телль Хазна II, дает основание заключить, что в VI тыс. до н. э. в районе выпадало не менее 320–350 мм годовых осадков и это позволяло получать гарантированный урожай. В V тыс. до н. э. ситуация была близка к современной, когда район находился за пределами зоны гарантированной урожайности и граница зоны устойчивого неполивного земледелия проходила в 20 км севернее (примерно там же, где и в настоящее время). Климатическая ситуация начинает меняться в сторону увлажнения во первой трети IV тыс. до н. э.; пик увлажненности приходится на конец IV – начало III тыс. до н. э., после чего начался процесс аридизации, занимавший достаточно длительный промежуток времени. Критической отметки он достигает в период, когда в районе стало выпадать значительно меньше 300 мм годовых осадков, — около середины III тыс. до н. э., когда население покидает район Телль Хазны.

Таким образом, в момент строительства на Телль Хазне I монументальных архитектурных сооружений храмового комплекса экологическая ситуация в Северной Месопотамии была максимально благоприятной. В районе ежегодно выпадало не менее 320–350 мм осадков, что помимо прочего предполагает более высокий уровень залегания грунтовых вод и, вероятно, постоянное функционирование водной артерии Вади Ханзир. К середине III тыс. до н. э., когда, возможно, в силу прогрессирующей аридизации поселение было оставлено жителями, в районе выпадало, вероятно, не более 250 мм осадков — меньше чем в настоящее время.

Такова физико-географическая и палеоклиматическая характеристика Северо-Восточной Сирии, в частности региона Северной Месопотамии, именуемого «Хабурским треугольником». В южной части последнего на берегах Вади Ханзир, как известно, расположены исследуемые российской экспедицией в Сирии археологические памятники — Телль Хазна I и Телль Хазна II.

Библиография

- Амиров, 2000а: Амиров Ш. Н. Природная среда верховьев Хабура // РА, 3.
- Амиров, 2000б: Амиров Ш. Н. Топография археологических памятников хабурских степей Северной Месопотамии V–II тыс. до н. э. // ВДИ, 3.
- Амирханов, 1997: Амирханов Х. А. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.
- Мунчаев, Мерперт, 1981: Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.
- Мунчаев и др., 1993: Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Амиров Ш. Н. Тель Хазна II — раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА, 4.
- Отс Д. и Дж., 1996: Отс Д. и Дж. Раскопки в Тель Браке (Сирия) в 1976–1991 гг. // ВДИ, 3.
- Ball et. al., 1989: Ball W., Tucker D., Wilkinson T. J. The al-Hawa Project: Archaeological investigations in the North Jazira, 1986–1987 // Iraq, 51.
- Erinch, 1980: Erinch S. Human Ecology in South-Eastern Anatolia. — In: Prehistoric research in South-eastern Anatolia. Istanbul.
- Guest, 1966: Guest S. The flora of Iraq. Baghdad.
- Mallowan, 1936: Mallowan M. E. L. Excavations at Chagar Bazar and Archaeological Survey of the Habur Region of North Syria 1934–1935 // Iraq, 3.
- Miller, 1980: Miller R. Water use in Syria and Palestina from the Neolithic to Bronze age. // World Archaeology, 11, 3.
- Nutzel, 1976: Nutzel W. The climate changes of Mesopotamia and bordering areas 14000 to 2000 BC // Sumer, XXXII.
- Oates D., 1977: Oates D. The excavations at Tell Brak. 1976 // Iraq, 39.
- Raikes, 1965: Raikes R. L. Physical Environment and Human Settlement in the Near and Middle East. A hydrological Approach // East and West, 15, 3–4.
- Weiss, 1986: Weiss H. The origins of Tell Leilan and Conquest of Space in Third Millennium Mesopotamia. — In: The Origins of Cities in Dry-Farming Syria and Mesopotamia in Third Millennium B.C.
- Wilkinson, 1990: Wilkinson T. J. The Development of Settlement in North Jazira between 7-th and 1-st Millennia BC // Current Anthropology, 35, 5.

ЧАСТЬ I

Телль Хазна I.

Основные параметры памятника.
Культурный слой, стратиграфия, планиграфия
и архитектура

РАСПОЛОЖЕНИЕ И ОБЩИЕ ДАННЫЕ ТЕЛЛЯ

Основной объект раскопок экспедиции — многослойный памятник Телль Хазна I — расположен в северо-восточной части Сирии, в провинции Хасаке, в 25 километрах к северо-востоку от города того же названия, примерно в 1 километре от деревни Телль Хазна, рядом с небольшим хутором Алави. Среди местного населения приняты оба наименования памятника — и Телль Хазна, и Телль Алави. По соседству с ним имеются еще два холма. Поэтому в полевой документации экспедиции исследуемый памятник получил наименование Телль Хазна I. Он расположен на левом берегу вади (сезонного русла), впадающего в Джгаг-джаг — левый приток Хабура, в свою очередь впадающего в Евфрат. Общепринятого названия у вади нет. Для обозначения его население употребляет наименования Вади Ханзир или Вади Риджла. По руслу вади как к северу, так и к югу от Хазны расположено значительное число крупных теллей, что отмечено уже в Введении к настоящему исследованию.

Холм Телль Хазна I имеет конусовидную форму с крутыми с северной и восточной сторон и пологими с южной и западной сторон склонами. В высоту он достигает 17,2 метра, средний его диаметр 150 м (*Табл. 1; 2*). Поверхность активно задернована, заметных разрушений не наблюдается, на вершине холма установлен триангуляционный знак. На поверхности холма в ходе предварительного осмотра собрано значительное количество разновременных керамических фрагментов, наряду с которыми найдены кремневые и обсидиановые пластины, нуклеусы и отщепы. Среди керамики доминировали раннединастические формы, определенное число фрагментов принадлежало более ранним периодам — урукскому и убейдскому, и лишь единичные более поздним — аккадскому, постаккадскому и далее вплоть до миттанийского. Последние находки носят случайный характер и не дают оснований предполагать наличие на памятнике регулярных слоев последних сравнительно поздних периодов. Это было полностью подтверждено результатами последовавших раскопок экспедиции. Исключением являются остатки слоя с типичными расписными сосудами периода Нузи (середина II тысячелетия до н. э.), открытого в специальном шурфе в кв. XV/3 в ходе сезона 2000 г. и примыкавшего к северной поле телля.

Особая концентрация находок была отмечена на поверхности южной и юго-западной частей холма. Здесь, в частности на нижних участках склона, были найдены характерные фрагменты убейдской керамики, что позволило предполагать наличие наиболее ранних компонентов культурного слоя именно в этой части телля. Поэтому здесь в 1988 году и был разбит первый раскоп. В силу наибольшего внимания экспедиции к ранним периодам он был расположен не на вершине, а в средней части сравнительно пологого склона, на уровне, близком к 8 метрам от вершины. Но вся площадь холма была покрыта сеткой квадратов 5 × 5 м. Последние маркировались с севера на юг арабскими и с запада на восток римскими цифрами. Площадь первого — южного — раскопа была весьма скромной — 275 м². Но уже в первом сезоне был заложен второй раскоп — на западном склоне. Соединение обоих раскопов увеличило исследуемую площадь до 525 м², а контрольные стратиграфические траншеи дали общее представление о характере культурного слоя на конкретных участках памятника от уровня 7,9 м до уровня 16,20 м от принятого за 0 триангуляционного знака на вершине холма.

В последующие девять сезонов раскопок памятника исследуемая площадь непрерывно расширялась по всем направлениям, в том числе и до вершины телля, и углублялась. К концу сезона 2000 г. она достигла размера около 2000 м². Основная ее часть располагалась на южном склоне холма (92,5 квадрата), но в ходе сезона 2000 г. было начато вскрытие первых шести квадратов и на северном склоне (*Табл. 3*). При вскрытии всей этой значительной площади равное внимание уделялось как планиграфии, так и стратиграфии памятника. Фиксировались профили всех четырех стенок каждого квадрата. На четырех участках был достигнут материк, уровень которого в конкретных точках колеблется от 16,00 м (на южном склоне) до 17,00 м (на западном склоне) метров от вершины холма. Подтвердилось наличие ранних — урукского и убейдского — слоев, общая мощность которых превышала 4 метра.

С наибольшей четкостью слои эти были зафиксированы в специальном стратиграфическом шурфе, вскрытом в квадрате XI/20 и прорезавшем нижнюю часть культурного слоя с уровня 11,00 м до материка на уровне около 16,00 м (*см. вкладка 8*). Основные показатели шурфа сводятся к следующему.

Шурф площадью около 25 м² на севере примыкал к стене монументального сооружения № 47, ограждавшего площадку перед южным фасом башни № 37 и стоявшего на поверхности около 11,90 м, отмеченной мощной забутовкой, состоящей из глиняных блоков размерами до 70 × 60 × 60 см. Последняя отделяла здесь монументальные раннединастические постройки от урукского слоя, в который она частично врезалась. Верхняя урукская постройка представлена стеной № 216, охватившей весь северо-западный угол шурфа на уровнях 12,00—12,90 м. Сохранились восемь венцов кирпичной кладки стены, ниже еще пять венцов смещены и частично разрушены (№ 227). Под ними прослежен семидесятисантиметровый массив плотной глинистой забутовки со значительными зольными включениями, частично распространившимися и на прочие участки шурфа. Его подстилали три утрамбованных поверхности полов на уровнях 13,50—13,70 м.

В западной и восточной частях шурфа на уровнях 11,80–13,70 м зафиксирован спад глинистых слоев (возможно, мощных стен урукских построек толщиной до 70 см) под углом 30–45°. Причина его не ясна (разрушение?, перестройка?, сейсмические явления?).

Ниже — вплоть до уровня 14,40 м шел плотный единообразный глинистый слой, подстилавшийся большим зольником толщиной до 0,50 м. Все отмеченные слои практически начиная с 12 м насыщены фрагментами только урукской керамики.

Перекрытый же зольником метровый слой — вплоть до материка — отмечен доминантой фрагментов убейдской керамики. В этом же слое сохранились две долготных стены (№№ 242 а – в), шедших параллельно друг другу (высота их остатков — по 0,45 м при шести венцах кирпичей). В нем же найдено погребение младенца в убейдском сосуде (№ 30).

Таким образом, метровый убейдский слой был перекрыт трехметровым урукским, подстилавшим основной двенадцатиметровый раннединастический слой.

Однако как убейдский, так и урукский слои охватывали не всю площадь холма: четко зафиксированные на южном склоне, они отсутствовали на западном. Всю же площадь занимал основной — раннединастический — слой: наиболее массивные его сооружения врезались в предшествующий, и в таких случаях мощность его превышала 15 м. Общее число архитектурных его сооружений и их фрагментов превысило 300. И именно с раннединастическими периодами связана специфика общей структуры памятника.

В целом на исследованной площади вскрыта весьма сложная система многочисленных сооружений, в подавляющем своем большинстве относящихся к первой половине III тысячелетия до н. э. И прежде всего следует отметить чрезвычайно характерную особенность их расположения: наличие ряда последовательных платформ-террас, с каждой из которых связан определенный комплекс построек (см. вкладку 5–7). Причем все они подчинены единым принципам планировки, которые, несмотря на ряд локальных изменений, выдерживались в течение длительных периодов. Согласно этим принципам ряд значительных строительных комплексов возводился фактически одновременно, но на различных уровнях, соответствующих последовательным террасам. Этим объясняется фактическая идентичность материала, прежде всего керамического, на ряде участков, несмотря на значительную разницу уровней их расположения. С этим же связана и вся специфика истории застройки памятника, эволюция последней и соотношение основных ее элементов, а в значительной мере и общая интерпретация как отдельных комплексов, так и памятника в целом.

Поэтому, прежде чем перейти к конкретным характеристикам строительных горизонтов и составляющих их сооружений, остановимся на основных свидетельствах указанной архитектурно-планировочной специфики памятника — наличии террас и одновременной застройки ряда последовательных и заметно различных по своему уровню поверхностей.

Сразу же подчеркнем значительные трудности такой работы, прежде всего определения самих террас и связанных с ними комплексов. Последние неизменно проходили длительный путь развития, реконструкций и полной смены построек. Остатки последних включились в тело террас, значительно затрудняя определение оригинальных очертаний последних. Верхние же уровни сооружений, непрестанно возрастая, что особенно характерно для сырцового строительства, в ряде случаев нивелировались с постройками следующих террас, что еще более усугубляло подобные трудности. К этому следует добавить неоднократно фиксированное создание построек промежуточных уровней между террасами, что создает впечатление обычного накопления культурного слоя и смены строительных горизонтов по всей площади памятника. Что касается бортов террас, то они нивелировались и теряли первоначальные очертания в результате как указанных акций, так и естественных разрушений склонов холма эрозией и дождевыми водами.

Поэтому для создания общей стратиграфической схемы памятника и обоснования отмеченной ее специфики необходимо выделение ряда эталонных конструкций и их комплексов, занимавших достаточно четкую стратиграфическую позицию на различных уровнях. Не менее важно определение основных поверхностей (и их индикаторов), которые могут быть связаны как с различными террасами, так и с этапами застройки единой террасы.

ОБЩАЯ СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ СХЕМА ТЕЛЛЬ ХАЗНЫ I

Очень кратко остановимся на опыте синтеза соответствующих данных, полученных в результате двенадцати сезонов раскопок Телль Хазны I. При этом мы ограничимся самой общей схемой. Ряд положений ее будет развернут и получит более детальные обоснования в дальнейших разделах, посвященных основным строительным комплексам, их группировкам и соотношению между собой.

Как уже отмечалось выше, древнейший компонент культурного слоя памятника — убейдский — на южных участках имел метровую толщину и был перекрыт трехметровым урукским слоем, занимающим четко определенную стратиграфическую позицию по отношению к раннединастическим слоям (см. вкладку 5). Верхнее — финальное — сооружение урукского периода — стена № 227, открытая на уровнях 12,00–12,90 м, непосредственно подстилает субструкцию раннединастических построек №№ 47–48 (кв. XI–XII/18–19). Ниже этого уровня урукская керамика на данном участке доминирует. Меняется и цвет слоя: для всей толщи раннединастической эпохи характерен темно-коричневый цвет с отдельными участками темно-серого, тогда как подстилающий его урукский слой значительно более светлый — желто-серый. Наиболее массивные раннединастические сооружения, основания которых определены ниже отмеченного уровня и были вкопаны в урукский слой, либо брали свое начало с конца этой эпохи. Это полностью подтверждается и данными доведенных до материка (16,50 м) зондажей в кв. XI/18, у юго-восточного угла башни № 37 (кв. XII/18) и юго-западного угла башни № 110 (кв. XIV/17–18): основания обоих последних сооружений зафиксированы на глубине 14,40 м, а верхний лимит регулярного распространения урукской керамики, а далее и смешанного слоя со значительной долей последней — на глубине 12–12,30 м. К числу древнейших сооружений Телль Хазны I должна быть отнесена и обводная стена с полупилястрами в верхней её половине № 69, непосредственно примыкавшая к башне № 37 с востока (вкладка 3; б). Несмотря на то, что основание ее (13,30 м) на 1 м выше основания последней (14,40 м), она, безусловно, составляет единый комплекс с ней и подобно ей углублена в урукский слой. Никаких предшествующих ей раннединастических сооружений на данном участке нет, ниже идет регулярный урукский слой, в который стена, скорее всего, вкопана. Разница в уровнях основания обусловлена здесь, как мы полагаем, не хронологической последовательностью, а различием в степени массивности построек и их функциональными особенностями. Во всяком случае, эти два сооружения знаменуют начало создания весьма долговременного и неоднократно реконструированного комплекса, получившего по архитектурным и прочим показателям наименование «нижнего храма».

Комплекс башни № 37 и стены № 69 знаменовал центр южной дуги синхронных ему массивных сооружений, составлявшей часть овального плана, присущего, очевидно, памятнику в целом. В пределах раскопанной до сего времени южной дуги вскрыты следующие особо монументальные и долговременные сооружения, стоящие на единой поверхности: № 2 (кв. VII–VIII/14–15); № 4 (кв. VIII–IX/15–16); № 61 (кв. IX–XI/16–17); № 37 (кв. XI–XII/17–18); № 69 (кв. XIII–XIV/17–18); № 110 (кв. XIV–XV/17); № 49 (кв. XVI–XVII/17); № 209 (кв. XVIII–XIX/14–15) (Табл. 3).

Все это позволяет установить, что мощность слоя собственно раннединастической эпохи превышала 12 м, а при учете вкопанных в урукский слой или берущих в нем свое начало сооружений достигала и 15 м. И весьма рано стратиграфически фиксируются свидетельства определенной нивелировки и повышения поверхности, а далее и создания террас.

Одним из древнейших сооружений слоя может быть признана оборонительная стена № 13, участок которой расчищен у южного подножия холма в кв. X–XII/20 на протяжении около 12 м (Табл. 3). Верхний срез ее фиксируется на уровне 14,25 м ниже она прослежена до глубины 14,46 м, основание не достигнуто в силу значительных разрушений участка. Стена сложена из крупных (длиной до 40–50 см) сырцовых кирпичей. Она почти полностью уходит в урукский слой. Но с верхней ее частью стратиграфически соотносятся оба отмеченных выше монументальных сооружения — башни №№ 37 и 110, а также и составляющие единую систему с последними и подчиненные единому с ними плану постройки более восточных районов — прежде всего № 149 (кв. XVI–XVII/16–19). Их создание явно предшествовало периоду весьма серьезной реконструкции оборонительной системы. Стена № 13 была перекрыта сорокопятисантиметровым слоем золы и строительного мусора (сильно обгоревшего), подстилавшим новое оборонительное сооружение № 17 с основанием в среднем на уровне 13,80 м (кв. VIII–XIII/20–22) (Табл. 3). Оно представляло собой скорее вал, нежели стену. При насыпке его использована земля, сдвинутая к краю основания холма при нивелировке площади, предназначенной для строительства раннединастической эпохи. Ширина его приближается к 4-м метрам, сохранившаяся высота достигает 3,25 м. Сложено оно не из кирпичей, а из сплошных последовательных слоев серой глины с примесью речного ила. При этом четко фиксируется подъем слоев к вершине вала, хотя внутренний — северный — фас сооружения выражен нечетко. Однако удалось проследить следы глиняной обмазки обоих фасов конструкции. Ход внутреннего фаса документирован также сопряже-

нием его с примыкающими к нему с севера и составляющими правильный ряд равновеликими смежными прямоугольными помещениями №№ 30–33 (пятое — крайнее с востока — помещение ряда разрушено до основания). Их кирпичные долготные стены упираются в северный фас вала № 17, который являлся, таким образом, основным опорным компонентом целой системы помещений, прослеженной на участке квадратов VIII–XI/19–21. В целом же вал прослежен на протяжении около 30 м. Линия его дугообразна, на данном участке направлена с юго-востока на северо-запад. Подошва была определена на уровне 13,20 м, верхний срез — на уровне 9,85 м.

Строительство упомянутых выше древнейших монументальных сооружений потребовало создания достаточно мощной субструкции и даже метровых кирпичных цоколей, на которые опирались башни №№ 37 и 110. Однако, поскольку, скорее всего, здесь имело место углубление в урукский слой, говорить об искусственной террасе еще не приходится. Но уже отмеченная система связанных с валом поперечных стен и смежных ему построек №№ 30–33 стояла на поверхности 12,20 м — на 1,00 м выше основания вала, что требовало значительной подсыпки поверхности — фактически создания метровой платформы, примкнувшей к валу. Эта поверхность прослежена вдоль всего вскрытого участка последнего.

Дальнейшие уровни поверхностей с наибольшей последовательностью представлены в пределах квадратов XIII–XVI/12–16. Их показатели и будут прежде всего использованы в этом кратком очерке с отдельными экскурсами в область застройки некоторых других участков, в случае наличия на них выразительных свидетельств соотношения строительных уровней.

Но вернемся к уровням указанных линий квадратов XIII–XVI. Отмеченная выше метровая платформа, примыкавшая с севера к валу 17, имела ширину 3,25 м. Далее к северу она была наращена еще на 1,00 м, достигнув уровня 11,00 м. Южный ее борт был укреплен длинной (свыше 20 м) стеной № 5 высотой в 1 м, снабженной с обратной — северной — стороны не менее чем семью контрфорсами. Стена ограничивала с юга значительный участок террасы с поверхностью на уровне 11,00 м — более чем на три метра выше основания древнейших массивных сооружений памятника. Здесь стояла большая двухъярусная керамическая печь № 15 (кв. X/18–19) и сооружения в кв. XI/19 и XII/19, созданные значительно раньше (основания их еще не достигнуты), но до уровня 11,00 м включенные в тело платформы. Последняя распространялась к северу от них. Она подошла вплотную к башне № 37, возможно, укрепляя эту восьмиметровую конструкцию, и, обтекая ее, продолжалась в том же направлении еще более чем на четыре метра. Особо подчеркнем, что именно на поверхность этой платформы выводили два дверных проема башни, открытые в ее северной и южной стенах. На ней же, и также с обеих сторон, находились оформленные площадки перед дверьми (кв. XI–XII/18 и XII/17) и, прежде всего каменные вымостки, проходящие и внутрь самой башни. И особенно важно для рассматриваемого вопроса, что начиная с кв. XII/16 каменная вымостка начала подниматься кверху — на уровень 9,00–9,50 м, маркирующий поверхность следующей — третьей — террасы. Здесь она подстилает основание башни № 24 (кв. XIII/15) — центрального сооружения комплекса построек «верхнего храма». Башня № 24 стоит почти на единой оси с башней № 37 «нижнего храма», но разница в уровнях их оснований достигает пяти метров (Табл. 6–8; вкладка 5; 6).

Башня № 24 сохранилась на высоту свыше пяти метров (-3,90/-9,30 м). Она, как уже указывалось, входила в состав комплекса построек третьей террасы, взаимосвязанных, основанных на единой поверхности — 9,00–9,30 м (№№ 154, 151, 81, 82) и огражденных с юга единой стеной с полупилястрами № 60/157 (5,00–9,00 м). Эта четырехметровая стена (5,00–9,00 м), прослеженная на протяжении более десяти метров (кв. XI–XII/15), абсолютно подобна стене № 69 «нижнего храма», уступая ей лишь по высоте. Подобно последней, по оформлению своему она сопоставима, прежде всего, с сооружениями религиозной архитектуры Месопотамии. Обе стены связаны единой плановой системой. Значительная же разница в уровнях их оснований (13,30 м для нижней, 9,30 м для верхней стены), с одной стороны, является одним из основных свидетельств наличия террас, с другой стороны, позволяет с уверенностью отнести весь комплекс к специфическому типу т. н. «высоких храмов», окончательно сложившемуся в Месопотамии в начале III тысячелетия до н. э.

Видимо, с поздними горизонтами построек на той же террасе следует связывать постройку № 204 в кв. XV/14–15 (уровни 2,70–4,00/4,50 м). Но далее к северу расположение строительных остатков позволяет говорить о еще одной — верхней — платформе с несколькими уровнями полов. На верхнем полу на уровне — 1,10 м располагалась крупная постройка на вершине холма (№ 132), на втором — 2,25 м — постройки №№ 182 и 226, на третьем — 4,00–4,50 м — помещение № 204.

Наличие монументальных сооружений на вершине телля подтверждено начатым в 2000 году исследованием его северного склона. Там, в кв. XIV–XVII/11, на уровнях 2,50–3,30 м вскрыт ряд вытянутых по линии запад — восток помещений №№ 270, 271, 281, параллельных конструкций № 132, но расположенных на 1,50–2,30 м ниже его. Их уровень в целом соответствует уровню построек №№ 182 и 304 южного склона. В свою очередь, они подстилаются массивным сооружением № 286, стоящим на уровне около 4,50 м, соответствующая постройке № 204 южного склона.

Такова в кратчайшем изложении общая стратиграфическая схема исследуемого памятника. Как уже отмечалось выше, за длительный (свыше 500 лет) период его существования застройка конкретных платформ подвергалась заметным изменениям, ряд сооружений был сменен, остатки предшествующих включались в тело платформы, уровень последней возростал. Так уровень платформы возрос к северу от вала № 17 с уровня 12,20 м вначале до 11,70 м, далее до 11,00 м, а к северу от стены № 47 с уровня 11,00 м до 10,00 м. Последнее изменение коснулось и площади к северу от башни № 37, где сооружения платформы уровня 11,00 м, включая дверь в башню и каменную вымостку, были замурованы или перекрыты, уровень поднялся на метр, и уже на этом новом уровне (10,00 м) были сооружены многочисленные постройки, в том числе замечательная анфилада святилища № 136, двора № 159 перед башней № 37 и большого также, безусловно, храмового помещения № 67 (кв. XI–XIV/16–17). Весьма сложна картина строительных остатков на верхней террасе, где развал первоначально связанных с ней построек смешан с перекрывшими его остатками наиболее поздних сооружений, относящихся, возможно, ко времени после прекращения функционирования основного храмового комплекса. Но от них отличны центральные сооружения на вершине холма, прежде всего упомянутая выше крупная двухкомнатная постройка № 132 (кв. XV–XVI/12) с примыкающей к ней на поверхности уровня 1,00 м каменной вымосткой. Она стоит заметно выше отмеченных поздних сооружений и отличается от них как размерами, так и оформлением. Хорошо выраженная зеленая обмазка стен позволяет сопоставить ее с храмовыми постройками нижних уровней, что подтверждается и составом находок, среди которых отмечен ряд фрагментов сосудов типа Ниневия V. Все эти показатели позволяют относить постройки на вершине холма к основному конструктивному комплексу памятника и ко времени функционирования храмов, а следовательно, и предполагать наличие обусловившей их расположение верхней террасы, хотя идти дальше предположений здесь пока оснований нет.

Теперь обратимся к отдельным свидетельствам других участков, подтверждающим наличие террасной системы памятника.

На северо-западном участке раскопа древнейшим сооружением является большой дом № 2 общими размерами 7,50 × 6,00 м (кв. VII–VIII/14–15). В нем выделены три помещения: №№ 2, 4 и 4^a. Два последних сравнительно невелики (2 × 2 м), помещение же 2 значительно больше: 5,00 м (В – 3) × 3,70 м. Верхний срез восточной стены последнего зафиксирован на уровне 9,30 м, основание же ее на уровне около 16,50 м. На глубине 13,80 м отмечены следы реконструкции: первоначально линия стены проходила на 0,50–1,00 м западнее. Южная стена помещения начиная с того же уровня оказалась на такое же расстояние отодвинутой к северу. Таким образом, периметр нижнего «яруса» постройки был несколько меньше, чем у последующих. Целый ряд полов и зольных прослоек свидетельствует о длительном использовании помещения, высота сохранившейся части восточной стены которого превышает 7 метров. И под нижним полом, покрытым рядом скоплений раннединастической керамики, на глубине 17 метров открылась поверхность материка. Постройка была сооружена на поверхности поля у края холма и в дальнейшем укреплялась возрастающим культурным слоем, нижние части ее забутовывались, стены надстраивались, дом «врастал» в новые строительные горизонты и сам служил их крепящей конструкцией. Он входит в число наиболее массивных и долговременных строений Телль Хазны I. К нему примыкал ряд последовательных поверхностей, в том числе на уровне, близком 11 метрам, с которым выше мы связывали основную поверхность второй террасы, занимавшей значительную площадь и застроенную целым рядом сооружений. И именно на этом уровне к дому № 2 примыкал спускавшийся с уровня 8,50 м четко выраженный крутой скос. Спускался он под углом менее 45° на глубину свыше трех метров и был прослежен на протяжении пяти метров. Поверхность его была покрыта толстым слоем глиняной обмазки. Скос фиксирован в кв. VIII–IX/14, продолжаясь к северу, он уходил за пределы раскопа. Преднамеренность этой конструкции безусловна, и есть все основания видеть в ней крепление очередной — третьей — террасы комплекса Телль Хазны I на северо-западном участке исследуемой площади (см. вкладку I). На поверхности этой террасы стояли постройки №№ 83, 55/87, 124, 125 (кв. IX–XI/14–15). Позднее поверхность террасы возросла и расширилась к западу, придвинувшись вплотную к дому 2 и фактически примкнув к нему. Пространство между домом и скосом было забутовано. На новой поверхности были сооружены большая керамическая печь и ряд построек — №№ 84 и 85, а несколько южнее №№ 64, 65, 126 и др.

Здесь достаточно четко зафиксированы как соотношение второй и третьей платформ, так и перестройка последней.

Весьма сложная и выразительная стратиграфическая ситуация зафиксирована и в кв. XI–XIV/14–15 на уровнях ниже 5,50 м. Расчистка показала, что начиная с поверхности и вплоть до этого уровня культурный слой представляет собой сплошной завал красно-коричневых строительных остатков. Внутри него лишь на отдельных участках фиксируются уровни ряда полов. Значительно четче прослеживаются кирпичные кладки стен, в ряде мест доходящие до поверхности талла. Этот завал, связанный в большей своей части с финальными горизонтами, перекрывшими остатки «верхнего храма», спадает с уровня 4,50 м в центральной части талла (на границе кв. XIV–XV/14) до 5,50 м в восточной части кв. XI/14.

В целом финальные строительные уровни, с которыми связан завал, свидетельствуют о чрезвычайно плотной — фактически сплошной — застройке верхних участков южного склона телля. При этом отдельные элементы планировки предшествующей застройки («верхнего храма») сохраняются, в прочих случаях планировка отлична и знаменует переход к новому этапу в существовании памятника.

Сам слой ниже уровня 5,50 м меняет и цвет и характер. Его составляют мощные пласты золы. Цвет, соответственно, становится серым с включениями черных угольных пятен и коричневых прослоек спрессованной и обожженной глины. Внутри этого слоя определена новая система стен, стоящих на нескольких поверхностях с незначительными отклонениями от шестиметрового уровня. Стены №№ 272, 275, 279 направлены с севера на юг, к нижним их частям «прилеплены» узкие, вытянутые вдоль стен и разделенные перегородками ячейки, выложенные в один кирпич. Стены разделены широкими проходами, в одном из которых располагалось кольцевидная постройка № 284 диаметром 1,75 м, сложенная из кирпичей, устилавших ее дно.

В целом эта система подчинена общим принципам планировки «верхнего храма». Подстилала же ее более чем двухметровая платформа, состоявшая из единообразного чередования зольно-угольных и глинистых слоев, а также остатков более ранних построек, в том числе и целых их секций. Отметим, что подобный состав характерен для всех намеченных до сих пор платформ Телль Хазны I.

Платформа в квадратах XI–XIV/14 прослежена до уровня 8,50–8,90 м, на котором определено основание предшествовавших ей сооружений. Последние могут быть отнесены к системе «верхнего храма». Это прежде всего южная стена № 130, проходящая в 3,50–3,75 м севернее. Между ними располагался южный ряд храмовых построек (№№ 154, 151, 181, 182), включая и основную из них — башню № 24, — возможно, встроенную между конструкциями №№ 151 и 181 на единой оси с центральной постройкой «нижнего храма» — башней № 37. В кв. XIII/14 на уровне 8,70 м расчищена каменная вымостка, идущая с северо-запада на юго-восток метровой полосой, понижаясь до уровня 8,90 м, на котором она поворачивает к югу и уходит под башню № 24 в зольный слой. Далее к югу она спускается на уровень второй террасы и на глубине 11,00 м проникает в башню № 37 через ее северную дверь и выходит через южную на площадку перед башней.

В западной же части кв. XIII/14 вымостка непосредственно перекрыта отмеченной выше платформой вместе с основаниями ряда построек уровня 8,50–8,90 м (нижние ярусы №№ 303, 79 и др.). Эти постройки стратиграфически соответствуют конструкциям №№ 121, 129, 130, 57, 58, 134 «нижнего храма» и знаменуют IV строительный горизонт памятника. Судьбы их чрезвычайно сложны. При перекрытии платформой остатки их были забутованы, а двери заложены (постройка № 79 — дверь с основанием на уровне 8,40 м). Однако при забутовке стены ряда сооружений оставались заметными на значительную высоту, что обусловило их восстановление с сохранением близких планов и периметров на поверхности отмеченной террасы — т. е. на уровнях 5,30–6,30 м (постройки №№ 79, 31, 31^a и др.). При этом заметной перестройке и расширению подвергалась на том же уровне и башня № 24. Она была основана на раннем этапе создания третьей террасы, м. б. несколько позже построек №№ 154 и 151, примкнула к стене № 130, крепившей с юга основную, несколько более позднюю, часть террасы, перекрывшую остатки построек раннего этапа.

К рассмотрению как сооружений «верхнего храма», так и перекрывавших их финальных горизонтов мы еще вернемся в последующих разделах. Сейчас же отметим, что в 25 м восточнее рассмотренного участка, в кв. XIX/15 («улица» № 205), остатки густо застроенного участка на той же глубине ок. 6,50 м сменяются уходящей вниз такой же свитой зольных и глинистых слоев забутовки. Ситуация там та же, что и в кв. XII–XIII/14. Вполне вероятно, что в обоих случаях речь идет о единой платформе.

К приведенным свидетельствам добавим еще следующие. Наличие террасы с первоначальной поверхностью на глубине 11 м (впоследствии поднявшейся до 10 м и даже 9,30 м) подтверждается близкими уровнями выводящих на эту поверхность дверных проемов таких монументальных построек, как башня № 37, конструкция № 149, а также уровнями полов и дверей комплекса храмовых построек №№ 136, 159, 67, наконец, основания стены № 60 и башни № 24.

Вместе с тем, на этой же платформе — на уровне 8,20 м — стояла постройка № 55/87 (кв. X–XI/14), над которой возвышалась стена № 60/157, перекрытая на уровне 5 м поверхностью следующей террасы и поддерживающая ее. Последняя же явилась основанием всего активно застроенного т. н. северного участка памятника, в том числе сооружений «верхнего храма». Разница в уровнях между основанием постройки № 55/87 и поверхностью следующей террасы 3,20 м.

В ряде случаев «тело» террасы представляло собой значительные глинистые массивы, почти лишенные находок, опиравшиеся на монументальные постройки и в свою очередь крепившие их. Пример этому — участок второй террасы, подходящей с юга к башне № 110. Единообразная глинистая толща платформы превышала здесь три метра, постройки на ней стоят на уровне около 10 м, тогда как башня основана на уровне 14,35 м (Табл. 43).

К монументальной постройке № 149 (кв. XVI–XVII/17) с юга и востока примыкает целый район построек

второй террасы, стоявших на уровнях 11,00–10,00 м, основание же указанной постройки относится к тому же уровню, что и у башни № 110. С севера же сооружение укрепляет край уже третьей террасы с поверхностями на уровнях 6–5 м.

Участок второй террасы в кв. X/18, разрезанный по линии западного профиля квадрата на уровнях от 8,50 до 12,00 м, позволил судить о ее структуре. Террасу составляли: в верхней части — слои плотной коричневой глины, ниже — не менее девяти последовательных слоев спрессованной золы, перемешанной с той же глиной и многочисленными угольными включениями. В тело террасы были включены также остатки рухнувшей к северу мощной стены, сменённой новой конструкцией — стеной № 1, прослеженной в кв. X/18–19 на протяжении более 6 м и крепившей террасу с юга. Отметим, что поверхность этой террасы на данном участке фиксируется на том же уровне, что и нижние постройки, подстилавшие следующую — третью — террасу в рассмотренных выше квадратах XII–XIII/14 (см. вкладку 1).

Таким образом, фактически все монументальные постройки нижнего уровня, помимо прямых своих функций, являлись опорными элементами террасной системы, лежащей в основе планировки памятника.

Особо отметим, что схема основных строительных уровней слоя раннединастической эпохи подтверждается и конкретизируется показателями ряда долготных и широтных разрезов. Так в восточном профиле линии квадратов XII/14–21 материк открылся на глубине 15,50 м, основные сооружения стояли на уровнях 14,20 м (№ 110), 6,00 м (№ 82), 3,60 м (№ 78), 1,50 м (№ 132), 3,30 м (№ 270), 5,00 м (№ 286) (см. вкладку 6). В восточном же профиле линии квадратов XIV/9–19 материк открылся на уровне около 16,00 м, уровни раннединастических построек на глубинах 13,00 м (№ 69), 10,00 м (№ 164), 9,50 м (№ 24), 9,30 м (№ 41), 6,10 м (№ 88) (см. вкладку 7). В северном профиле линии квадратов VIII–XVII/18 материк зафиксирован на глубинах 16,00 м, уровни оснований построек на глубинах 14,00 м (№ 37), 13,10 м (№ 69), 14,40 м (№ 110), 12,50 м (№ 61) (см. вкладку 3). В северном профиле квадратов VI–XIX/16 уровни основных построек зафиксированы на глубинах 12,00 м, 11,00 м, 10,00 м, 8,00 м, 6,00 м, 5,00 м, 2,00 м (см. вкладку 2).

Опыт реконструкции застройки памятника на основных ее уровнях предпринят П. Ю. Черносвитовым и представлен на Табл. 11–14.

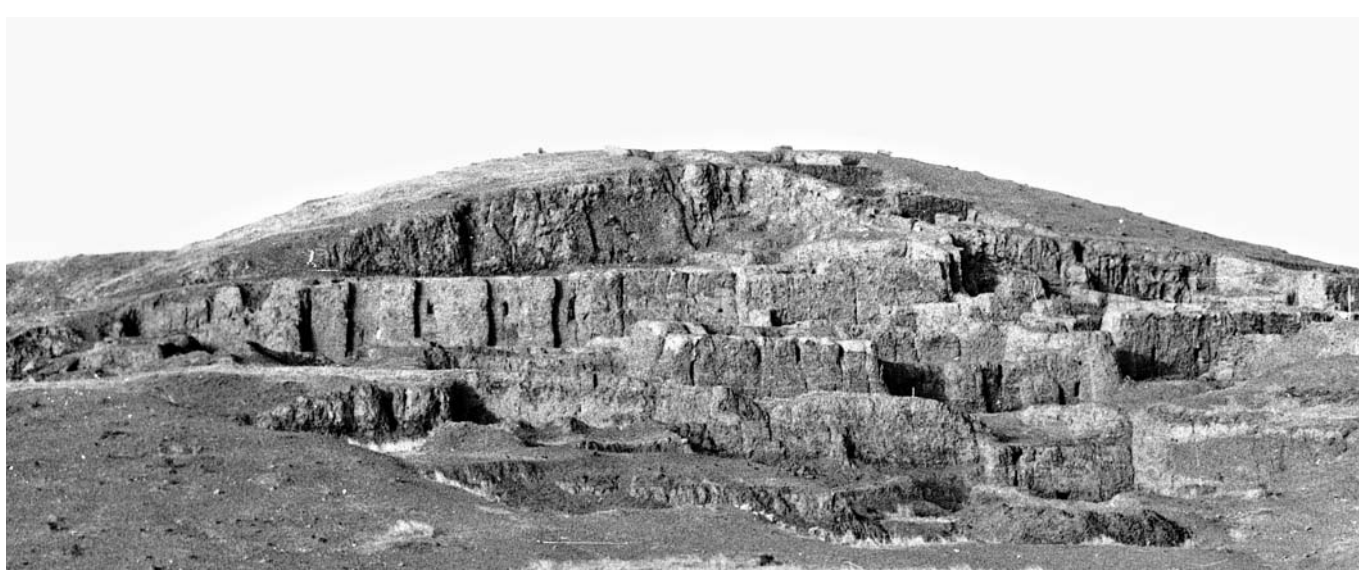
ТАБЛИЦА 2

1

2

3

Общий вид с юго-востока.

1. Вид на тель до начала раскопок, весна 1988 г.

2. Начало раскопок, весна 1989 г. 3. Вид на раскопанную площадь, осень 2000 г.

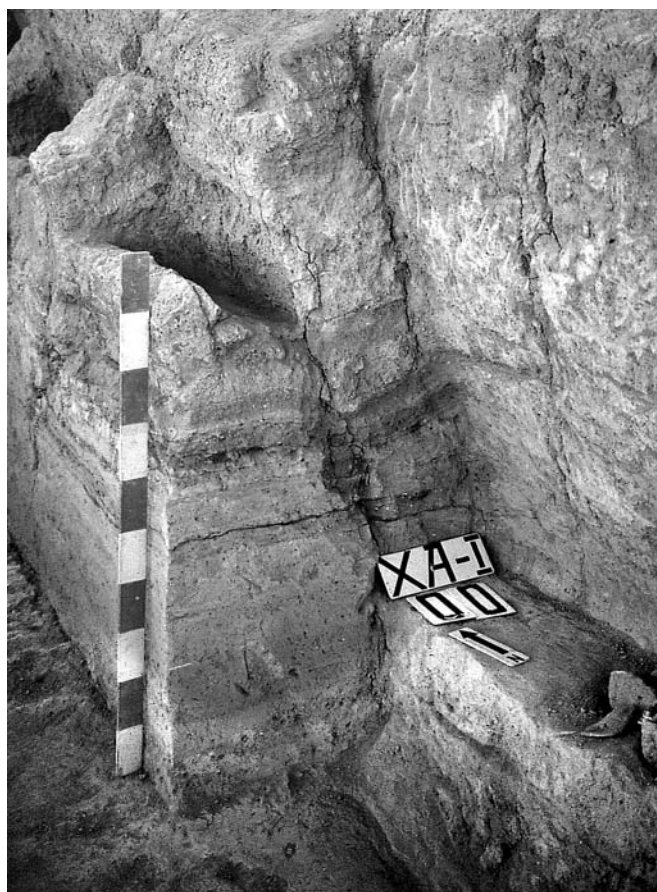
1

2

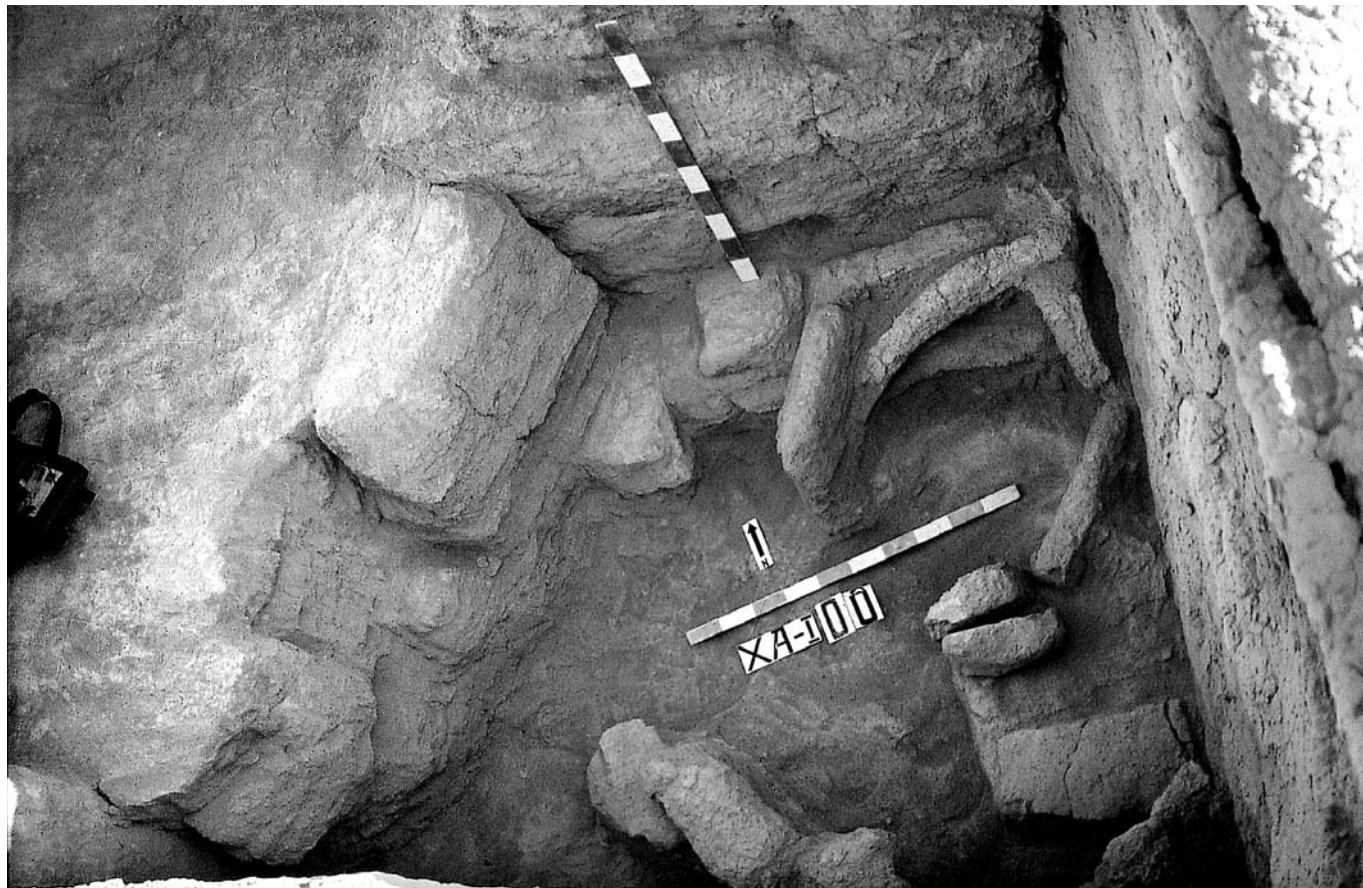

3

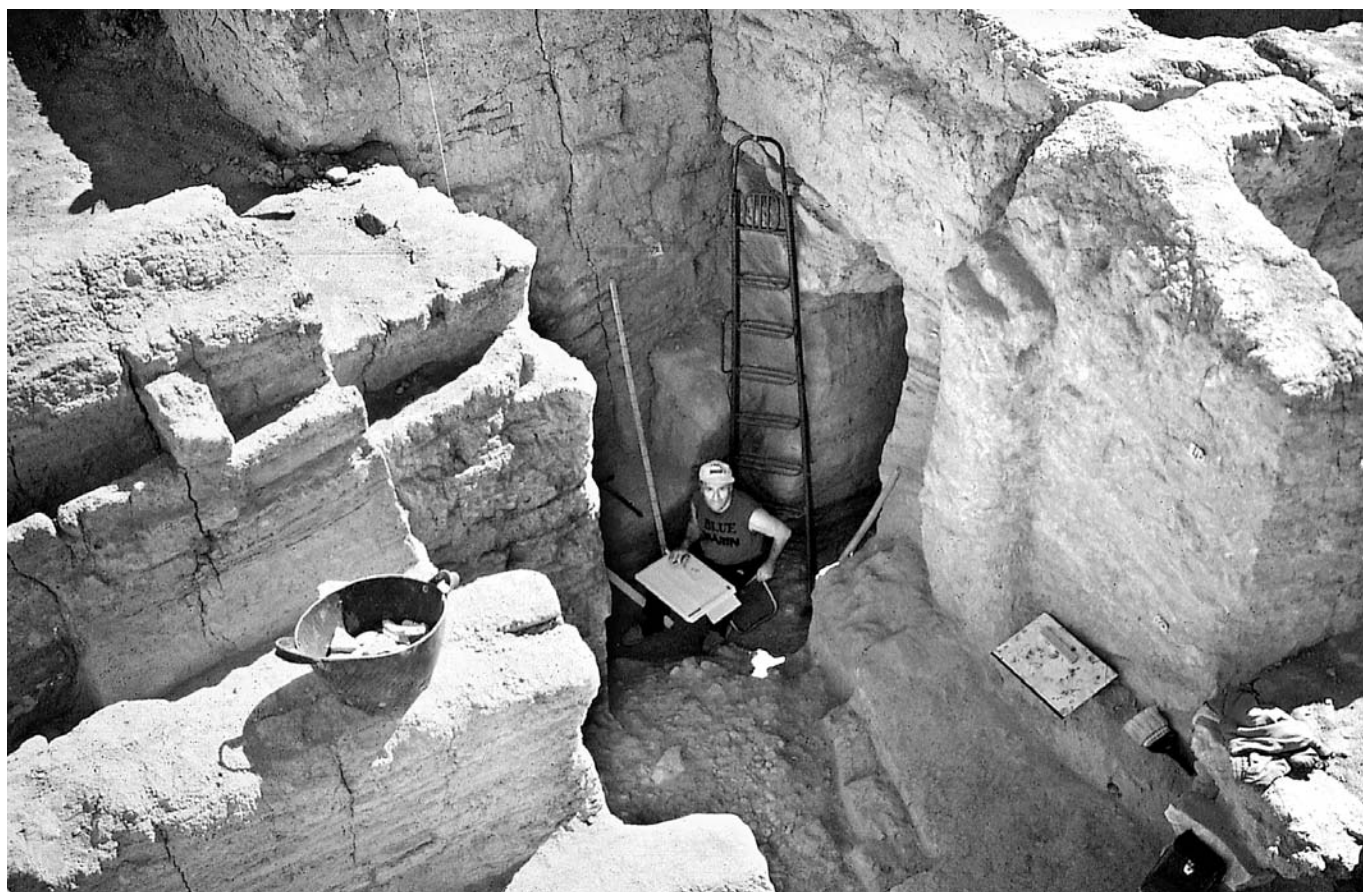

4

Участок, примыкающий с севера к «верхнему храму» (кв. XII–XIII/14, глубина -6,50 м), осень 2000 г.
 1. Очаг № 284 и дверной проем со ступенями в «верхний храм»; 2–4. Кирпичные емкости у стен конструкции № 279.

1

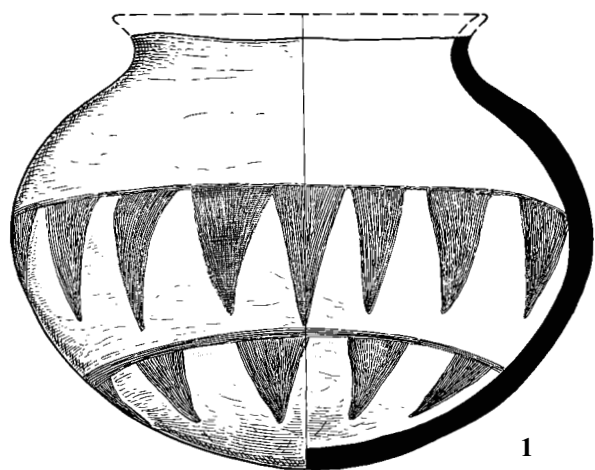
2

Кв. XIII/14–15. Участок севернее конструкции № 24, осень 2000 г.

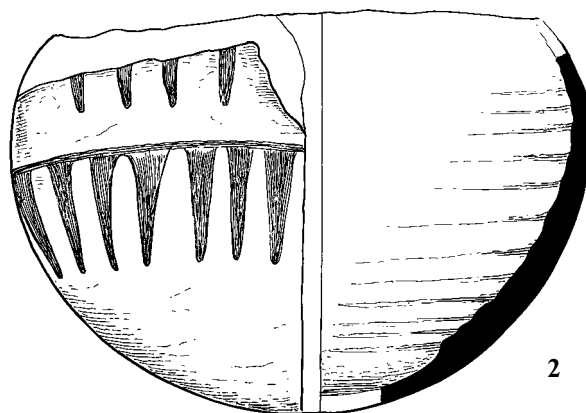
1. Развал печи № 288 (глубина -8,30 м); 2. Каменная вымостка ниже уровня развала печи № 288 (глубина -8,80 м).

К ТАБЛИЦЕ 10:

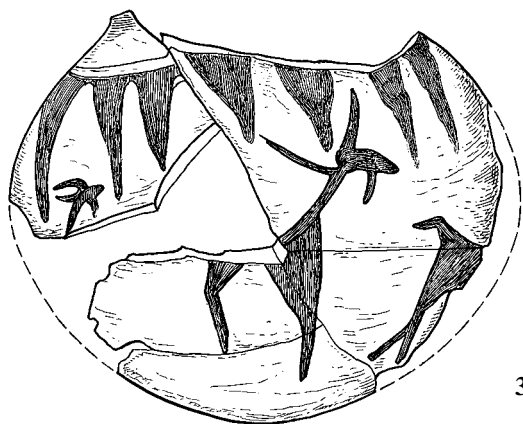
1. Квадрат XIX-15. Глубина 3,50–4,00. Поверхностный слой. Коллекционный № 1151/1.
2. Квадрат XVI-11. Глубина 2,00–2,50. Стратиграфический ярус I. Помещение № 271, на полах. Открытый комплекс. Коллекционный № 1168/1.
3. Квадрат XII-14. Глубина 5,00–5,40. Стратиграфический ярус II. Помещение № 278, зольный слой. Закрытый комплекс. Коллекционный № 1145/1.
4. Квадрат XV-18. Глубина 11,90–12,20. Стратиграфический ярус III. Помещение № 265, на полах. Закрытый комплекс. Коллекционный № 1120/1.
5. Квадрат XIX-15. Глубина 4,50–5,00. Стратиграфический ярус I. Слой. Открытый комплекс. Коллекционный № 1177/1.
6. Квадрат XIII-14. Глубина 7,00–7,50. Стратиграфический ярус II. Помещение № 278, на полах. Открытый комплекс. Коллекционный № 1162/2.
7. Квадрат XV-10. Глубина 3,00–3,80. Стратиграфический ярус I. Слой. Открытый комплекс. Коллекционный № 1173/1.
8. Квадрат XIII-14. Глубина 5,00–5,70. Стратиграфический ярус II. Помещение № 279, зольный слой. Закрытый комплекс. Коллекционный № 1144/7.
9. Квадрат XIX-15. Глубина 7,00–7,30. Стратиграфический ярус II. Зольный слой к югу от башни № 209. Открытый комплекс. Коллекционный № 2003/12.
10. Квадрат XIX-15. Глубина 7,00–7,30. Стратиграфический ярус II. Зольный слой к югу от башни № 209. Открытый комплекс. Коллекционный № 2003/11.
11. Квадрат XIV-11. Глубина 2,00–3,00. Стратиграфический ярус I. Слой. Открытый комплекс. Коллекционный № 1146/1.
12. Квадрат XV-10. Глубина 2,00–3,00. Стратиграфический ярус I. Слой. Открытый комплекс. Коллекционный № 1159/6.

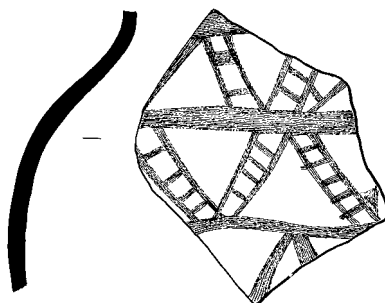
1

2

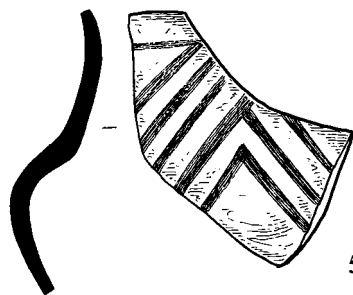
3

4

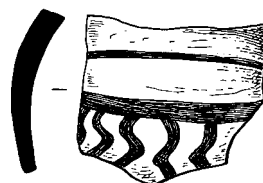
9

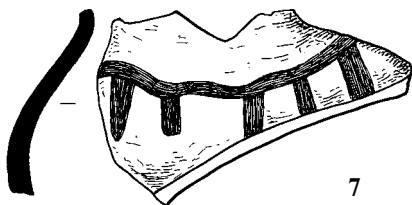
5

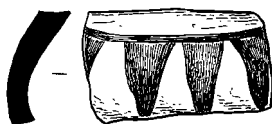
6

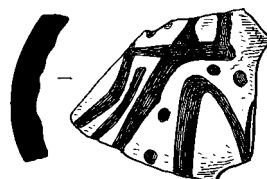
10

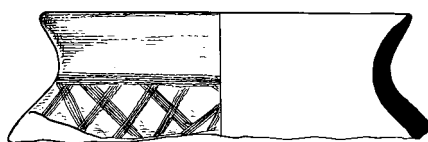
7

8

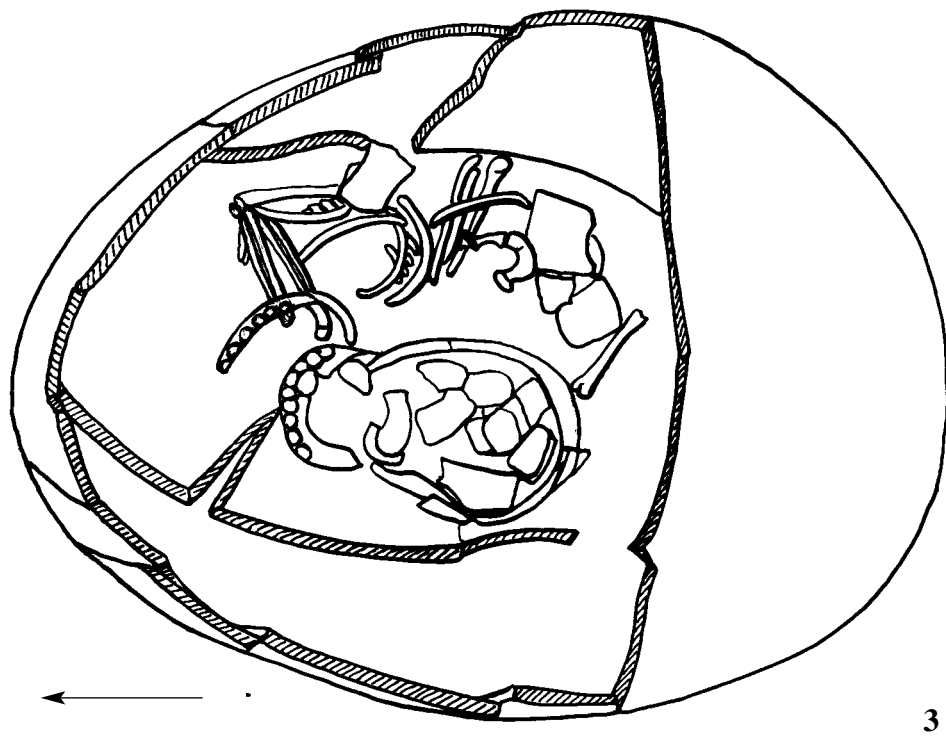
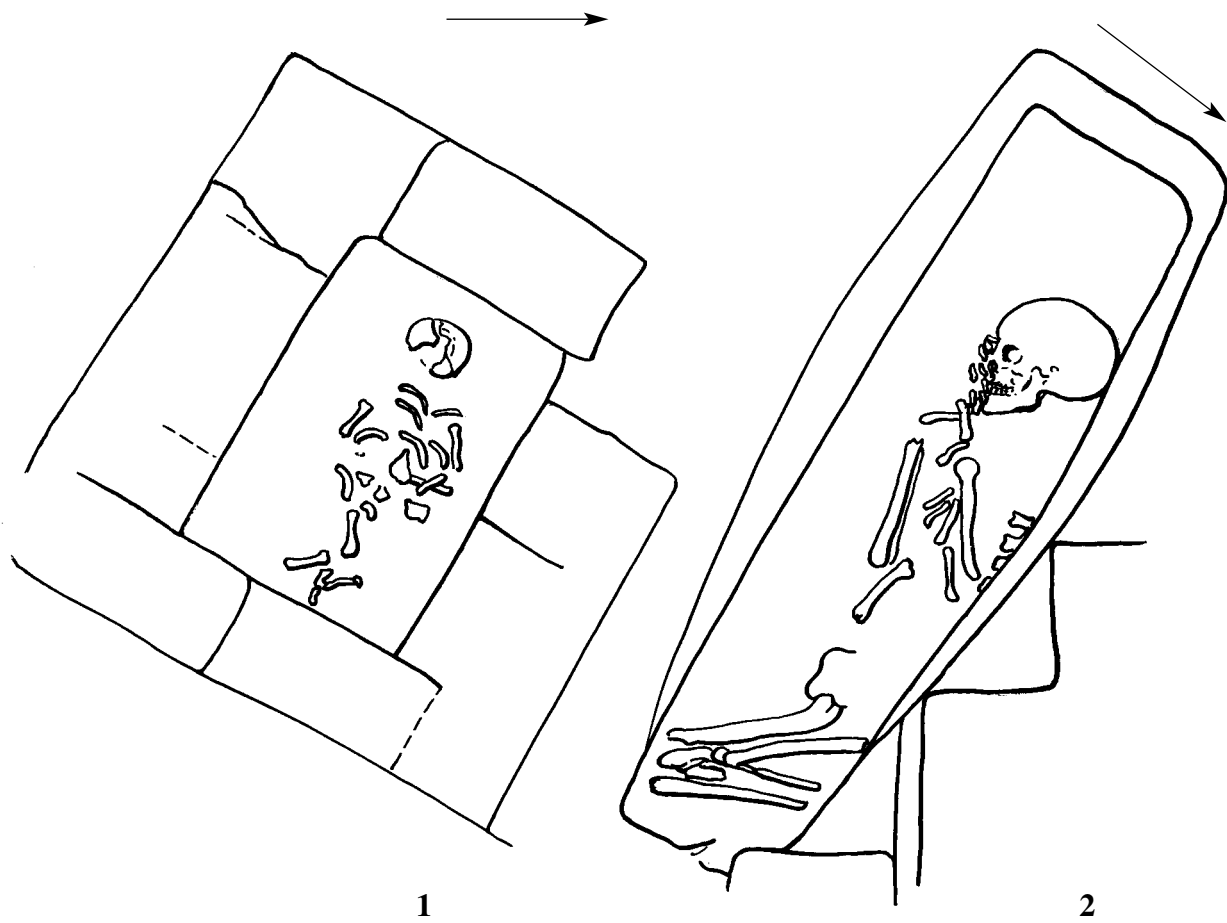

11

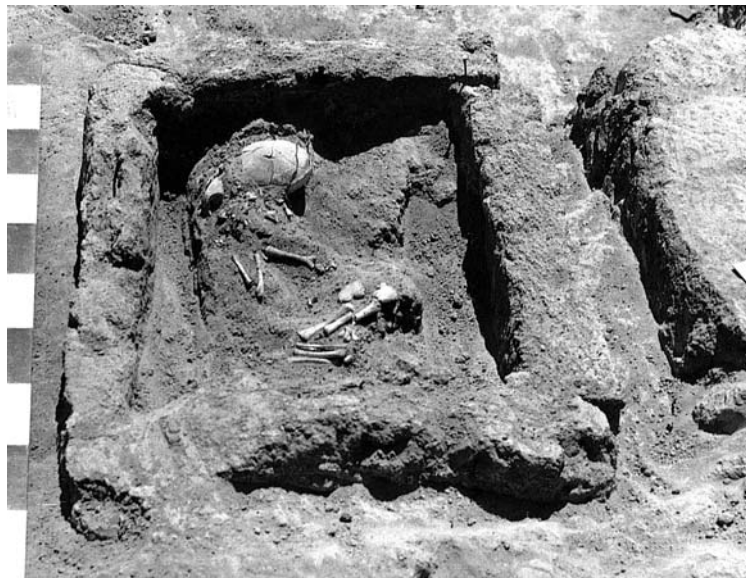

12

1. Погребение № 7; 2. Погребение № 8; 3. Погребение № 10.

1

2

3

4

5

1. Погребение № 14; 2. Погребение № 19; 3. Погребение № 18; 4. Погребение № 10; 5. Погребение № 20.